

Первое издание!

ДИНА

РУБИНА

НЕ ОСТАВЛЯЙ
МЕНЯ ОДНОГО

Дина Ильинична Рубина

Не оставляй меня одного (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4887058

Рубина Д. Не оставляй меня одного : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-59387-3

Аннотация

*Ах, как много на свете кошек,
нам с тобой их не счесть никогда,
Сердцу снится душистый горошек,
и звенит голубая звезда...*

Это Есенин... Нет, я не хочу сказать, что лично меня как-то душевно или биографически касается то, что происходит в этой моей давней, малостраничной и не втискиваемой ни в один привычный формат пьеске. Просто когда-то давным-давно я видела этого черного кота и этого неприкаянного молодого человека, снимавшего именно эту халупу на улице Лесной...

И почему-то мне кажется, что в вопросах любви и привязанностей нашего сердца мало что изменилось за все минувшие годы...

Содержание

Не оставляй меня одного	4
Действующие лица:	4
Картина первая	6
Картина вторая	43
Вокзал	43
Квартира Веры	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дина Рубина
Не оставляй меня
одного (сборник)

Не оставляй меня одного
Довольно грустная
комедия в двух картинах

Действующие лица:

ВАДЯ – мужчина

ВЕРА – сильная женщина

ЛЮБОВЬ – гордая женщина

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ – просто сослуживица Вади,

но готова идти за ним на край света.

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ – Вадин дедушка, оторванный от действительности.

Картина первая

Квартира, которую снимает Вадя. Это полуподвал, поэтому, когда по двору проходят люди, в окне видны только ноги и нижняя часть туловища человека... В квартире темно... Наконец, в окне появились две пары ног – мужские и женские.

ВАДИН ГОЛОС (*жалобно, умоляюще*). Люцик-Люцик-Люцик-Люцик-Люцик!

Пауза. Женские ноги нетерпеливо переминаются.

Люцик-Люцик-Люцик-Люцик-Люцик!!!

ГОЛОС ЛЮБОВИ (Любы). Найдется, куда он денется... Ну, открывай...

ВАДИН ГОЛОС (*страдающий*). Может, он где-то рядом ходит... По мусорным свалкам, как бездомный... Люцик-Люцик-Люцик-Люцик-Люцик!!! (*Пауза.*) Третий день сегодня...

Открылась входная дверь. Пригибаясь, по ступенькам спустился Вадя. За его спиной в сумраке маячит Люба.

ВАДЯ. Давай руку. Понимаешь, я никогда раньше не выпускал его... Осторожно, на этот кирпич не наступи.

ЛЮБА (*недоуменно*). Вадя, но это какой-то подвал!

ВАДЯ. Сейчас свет включу... А позавчера он как выско-чит!

Щелкнул выключатель. Тусклая лысая лампочка на длинном шнуре осветила Вадю и Любу, уста которых слились в продолжительной поцелуе.

У зрителя есть время разглядеть обстановку в квартире. Мы видим большую кухню. Низкие, сырые, со старыми подтеками потолки, в углу за газовой плитой стоит большое мусорное ведро, такое большое и переполненное, что это и не ведро даже, а нечто вроде мусорного бака. В кухне же пристроено фанерное укрытие для унитаза. Дверца в фанерном укрытии косая, осевшая, не закрывается, так что, укрыться в укрытие невозможно. Направо из кухни – дверь в комнату, которую снимает Вадя. Налево – запертая

дверь в еще одну комнату. И вот за этой-то дверью постоянно, негромко и назойливо звучит радио...

Наконец, Вадя отрывается от Любы.

ВАДЯ (*кричит в сторону окна*). Люцик-Люцик-Люцик-Люцик!!!

ЛЮБА (*оглядывается*). Боже мой... что это?..

ВАДЯ. Это кухня. А там – комната.

ЛЮБА. Это... ты здесь живешь?

ВАДЯ. Миленько, правда? (*Чмокает ее.*) Изящненько, правда?

ЛЮБА (*кивает на укрытие*). А там что?

ВАДЯ. Там удобство... Достроено в более позднюю архитектурную эпоху... Конечно, разные стили, эклектика. Зато настоящий унитаз, можешь проверить...

ЛЮБА. И... сколько ты за это платишь?

ВАДЯ. Тридцать пять рэ... Даром, можно сказать, подарок судьбы...

ЛЮБА. Да, подарок...

ВАДЯ. Нет, серьезно, мне дико повезло, что здешняя бабуса гигнулась... Что ни говори – центр. Моя последняя берлога в Ясенево знаешь, сколько жрала? Полтинник! Разница?

ЛЮБА. Разница.

ВАДЯ. Ну, вот... Вдруг, узнаю, что Любкина бабуса, того... отбыла в лучший мир. Любка – это у нас в отделе, твоя

тезка. Осиротевшие дети, рыдая, сдали хату одинокому порядочному джентельмену. Пока Люба замуж не выйдет. Эта пещера – ее приданное.

ЛЮБА. Думаю, она захочет остаться старой девой.

ВАДЯ. Я очень на это надеюсь, она у нас в отделе самая страшненькая.

ЛЮБА (*решительно*). Вадя, ты думал обо мне все это время?

ВАДЯ. Ну, Любаша, естественно (*обнимает ее, помогает снять плащ*). «Я верил, ты одна спасение глухой тоски по вечерам, ошибка поздняя, осенняя, причал последний, Чармиан»!

Стихи вообще Вадя читает так, что заслушаться можно – всегда проникновенно и всерьез. Очень хорошо читает стихи.

ЛЮБА (*волнуясь*). Знаешь, когда уже подлетали, и особенно, когда из багажного отделения к выходу шла, у меня сердце колотилось, как бешеное... думала – вдруг не встретит, вдруг – возьмет, и не придет!

ВАДЯ. Ну почему – не придет, Любаша? Мы же созвонились, на какое ты билет берешь.

ЛЮБА. Все равно, ужасно боялась... Какие-то предчувствия... Я эти два месяца, как ты уехал, Вадька, прямо чокнутая какая-то. Недавно встретила Наташку, помнишь, я те-

бя знакомила? Она говорит, — ну, когда жених твой придет?.. Санька тебе привет передал... Ты что?!

ВАДЯ. Показалось — Люцик за окном мелькнул (*вздыхает прерывисто*). Где он ходит сейчас, мой хороший...

ЛЮБА. Вадя, посмотри мне в глаза!

ВАДЯ. Смотрю, а что?

ЛЮБА. Смотри!

ВАДЯ. Смотрю...

ЛЮБА. У тебя здесь был кто-нибудь... за эти два месяца?

ВАДЯ (*нежно и насмешливо*). Любовь, ты глупая баба (*Целует ее*). Слушай, ты ж, наверное, голодная...

ЛЮБА. Нет, я, когда волнуюсь, не могу есть... Вадь, как у тебя здесь холодно...

ВАДЯ (*бодро*). Да, это — минус! Эта комната, понимаешь, не отапливается... Та отапливается, но ту закрыли.

ЛЮБА. Почему?!

ВАДЯ. Потому что сдают эту...

ЛЮБА. Не понимаю...

ВАДЯ. Глупенькая ты моя! Та стоила бы дороже по причине отапливаемости.

ЛЮБА (*возмущенно*). Вадя, а как же зимой? Вадя, но ведь так невозможно жить! Ты замерзнешь!

ВАДЯ. Спокойно, у меня два одеяла.

ЛЮБА (*волнуясь*). А может быть, вызвать слесаря и что-то устроить, а, Вадя? Батарею какую-нибудь поставить быстренько... Или еще что-нибудь... Ведь ты заболеешь здесь зи-

мой, Вадя!.. Вадь, ты что?

Вадя долгим изучающим взглядом внимательно глядит в угол, на мусорное ведро. Слышно густое жужжание мухи...

(тихо) Вадь, ты что?

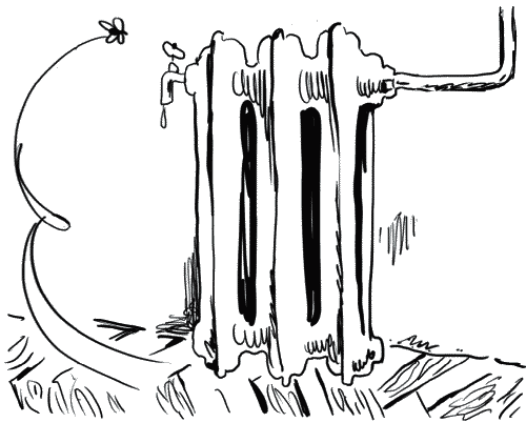
ВАДЯ. Тамара... Тома...

ЛЮБА. Что?!

ВАДЯ (*продолжает внимательно смотреть в угол*). Муха – Тамара... Во-он, видишь, сидит... на коробке из-под пельменей... Старенькая, пенсионерка... Она одна здесь прижилась, другие передохли, здесь холодно, одна Тамара осталась... Полетает-полетает и спит...

ЛЮБА (*робко*). Вадя, а почему ты мусор не выносишь?

ВАДЯ. Вон опять лета-ает, лета-ает... Тамара... Я выношу... Когда очень вываливается... Ну что, накормить тебя, что ли... Заодно самому пожрать...

ЛЮБА. Вадя, иди ко мне... Обними меня... Мы так и не поздоровались по-настоящему...

ВАДЯ (*обнимает ее*). Так... это... Сейчас, что ли? (*кивает на комнату*) Холодно ж... Одеваться-раздеваться... И потом, все равно в четыре к Олегу на пьянку.

ЛЮБА. Зачем? Куда?

ВАДЯ. Я тебе говорил, у Олеговой бабы день ангела...

ЛЮБА. Ну и пусть себе... Давай одни побудем, вдвоем.

ВАДЯ. Да успеем еще... Ты же на целую неделю приехала?

ЛЮБА (*усмехается*). На це-лу-ю... (*Прислушивается*.) Музыка где-то играет...

ВАДЯ. Полоумное средство массовой информации.

ЛЮБА. Это где?

ВАДЯ. Комнату заперли, а приемник выключить забыли.
ЛЮБА. Ничего себе... Так и поет круглые сутки?

ВАДЯ. Я уже договорился с Любкой, она придет на днях,
выключит... *(внезапно)* Любаша! Побудь здесь, я на минутку!

ЛЮБА. Ты куда, Вадя?

ВАДЯ. Я вспомнил, здесь недалеко мусорная свалка...
между домами... Может, он там...

ЛЮБА. Кто?

ВАДЯ. Люцик... Что ты смотришь так?

ЛЮБА. Ничего...

ВАДЯ. Я на минутку, Любаш, ладно? Хлеб заодно куплю,
вспомнил – хлеба нет.

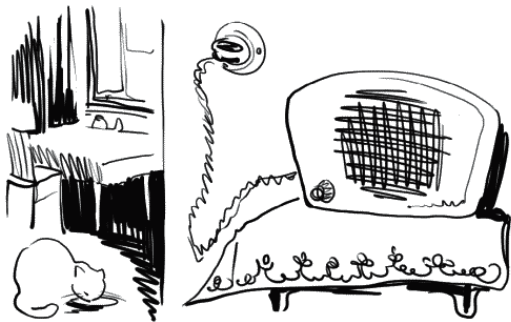
ЛЮБА. Иди, конечно...

ВАДЯ. На минутку, а?

ЛЮБА. Иди, иди...

ВАДЯ *(в дверях)*. Ничего, Любаш? Посидишь?..

*Люба кивает, и уже за дверью слышен страдающий голос
Вади «Люцик-Люцик-Люцик!» Потом он смолкает.*

ЛЮБА (медленно). При-е-ха-ла...

Она встала, медленно и как-то бесцельно стала кружить по кухне, заглянула в комнату... Потом села на табурет и застыла так, уронив руки, погруженная в свои мысли... Сидела она спиной к окну, и не видела, как в окне появились подрагивающие старческие ноги в сопровождении палочки. Старичок наклонился, долго смотрел в комнату, на Любину спину, и наконец, в дверь постучали. Люба поднялась и открыла.

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. Голубушка, скажите, это Лесная двадцать пять? Я не ошибся? Я правильно пришел? Или не туда попал? А?

ЛЮБА. Да, а вы...

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. Он ясно сказал: Лесная двадцать пять, но в принципе он мог и сбрехать, это ему ничего не стоит. Ему же плевать что мы спим с валидолом в зубах. Он считает, что мы оторваны от действительности. Может быть, я и оторван от действительности, но мне все-таки хочется знать, где он обитает...

ЛЮБА (*несколько оторопевшая*). А?..

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. Вы хотите сказать, что я не туда попал? А куда я попал? Это Лесная двадцать пять?

Это не Лесная двадцать пять? Что? А? Говорите, пожалуйста, вразумительно.

ЛЮБА. Да!

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. Что? А вы кто, позволите полюбопытствовать, извините за назойливость...?

ЛЮБА (*растерянно*). Я... Люба.

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ (*восторженно*). Любаша! Замечательно! Замечательно, что я застал именно вас! Я вам так благодарен! Мы вам так благодарны!

Он спустился по ступенькам вниз, Люба придержала его под руку.

Вади, конечно, нет? Слава богу. Признаться, я нарочно выбрал день, когда он на работе. Я только хотел удостовериться у соседей – действительно он снимает здесь квартиру, или Лесная двадцать пять это очередной миф, а он сам болтается по друзьям и ночует где придется... Я вам доложу, Любаша, добраться сюда, из Пушкино, в моем возрасте – это не кот начихал! Мне повезло, что я попал на вас... Теперь вы понимаете, как мы вам благодарны? Это большое, большое счастье, что вы согласились сдавать Ваде квартиру...

ЛЮБА. Но я... Это недоразумение... Я вовсе не...

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ (*протягивая руку*). Максимилиан Борисович. Вадин дедушка.

ЛЮБА. Очень приятно. Люба. Но дело в том, что...

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. А главное, что в центре и совсем недорого... Правда, я так и не понимаю – почему бы не вернуться в Пушкино, и не жить в нашем собственном доме, но ладно, пусть считается, что я оторван от действительности. Без Москвы он, видите ли, не может! (*Смотрит на укрытие.*) А там что?

ЛЮБА. Там удобство...

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. Прекрасно! Вот что, Любаша, я хотел бы поговорить с вами откровенно, как с другом Вади. Ведь вы – друзья, правда?

ЛЮБА. Правда. Но понимаете, дело в том...

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. Дело в том, что Вадя нуждается в таможенном досмотре... Вы понимаете, о чем я говорю?

ЛЮБА. Н-нет...

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. Любочка, мы свои люди? Я могу говорить с вами откровенно? Мне очень нравится ваше лицо, у вас лицо порядочного человека, я могу говорить с вами откровенно?

ЛЮБА (*в замешательстве*). Конечно...

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. Но все, разумеется, сугубо между нами! Я вам очень доверяю, вы мне сразу понравились, вы похожи на мою жену. В молодости. Ее зовут Ирина Львовна, и как вы догадываетесь, она – бабушка Вади... Так вот, в молодости... (*Останавливается, смотрит на Любу.*) Мы о чем говорили?

ЛЮБА. О вашей жене.

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. Да, о моей жене... Она очень больная женщина и очень беспокоится о Ваде... (*медленно*) Нет, мы о чем-то другом... (*почти весело*) Вот, деточка, наблюдайте, это и есть старческий маразм...

ЛЮБА. Ну что вы!

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ (*весело*). Маразм, маразм!.. Да! Люба, я хочу умереть.

ЛЮБА (*оторопев*). Ой, что вы?!

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. Я хочу умереть спокойно. Для этого мне надо знать, что Вадя устроен в жизни. Вы понимаете, что я имею в виду? А Вадя говорит: «Это ваше поколение женилось в двадцать лет и собиралось жить при коммунизме». Люба! А вот вы что думаете насчет этого?

ЛЮБА. Насчет коммунизма?

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. Да нет, нет... Вот вы, тоже современная девушка. Что вы думаете насчет устройства своей судьбы?

ЛЮБА. Моей?

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. Не конкретно вашей. Не конкретно. Деточка, вы не обижайтесь, что я сейчас скажу. Но я смотрю на вас... Не конкретно на вас, не конкретно, а вообще, на вас – таких молодых, таких умных, и, знаете – ничего не понимаю. Где ваши чувства? Где?!

ЛЮБА. В каком смысле – где?

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. Нет чувств! Одна, из-

вините, чувственность! Недавно приезжал, вот так, надеяться к Ваде. Дверь не заперта, захожу, в Вадиной постели девица, понимаете ли, лежит, так равнодушно на меня смотрит. Я растерялся, знаете ли, спрашиваю робко: «А где Вадя?» А она, не потрудившись прикрыть плечи, лениво так: «Вадя в ванной...»

ЛЮБА. Это когда было?

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. А главное, неказистая, знаете ли, такая, невыразительная девица...

ЛЮБА. Это давно было?

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. Не удержался я, знаете, сказал ему потом все, что думаю. А он засмеялся, говорит: «Да, дед, она, конечно, обезьянка, но зато с ней в постели интересно...» Любаша! Вот вы – современная девушка, объясните мне, старику, что значит – интересно?! Где чувства?! Где они?! Нет, вы подумайте – интересно!

ЛЮБА (*бледная*). Очень интересно! Когда это было, вот что мне интересно!

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. А главное – он все врет! Он всегда врет, безостановочно врет, ни на минуту не задумываясь. Неизвестно, в кого он такой. Это я вам, как близкому человеку. Делюсь, так сказать. Врет и врет!

ЛЮБА (*убито*). Когда... врет?

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. А всегда. На каждом слове. Я ему говорю: «Вадя, остановись, ты заврался!» Да что я, вы, наверное, и сами знаете, друзья же!

ЛЮБА. А... зачем – врет?

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. А черт его знает, такой родился. С пеленок врал. Из спортивного интереса. Вадя это наш крест, и мы его несем, пока живы. То денюжат из пенсии подкинем, то так, знаете ли, посылочку Ирина Львовна соберет. Но ведь сердце-то все равно не на месте... Я ведь сюда и приехал – проверить. Живет здесь, или врет, что живет (*умоляюще*). Любаша! Как друг, присмотрите за ним, умоляю! Он же полный идиот!

ЛЮБА (*совсем обескураженно*). В каком смысле?

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. В натуральном. Иди-от. Кретин. Двух слов с ним спокойно сказать нельзя. Сразу орать начинает. Приехал в прошлую субботу, довел бабушку до сердечного приступа... Умоляю, как друга. Присмотрите. Договорились?

ЛЮБА (*мрачно*). Договорились...

МАКСИМИЛИАН БОРИСОВИЧ. Ох-ох-ох, это что же такое – это три часа уже?! Мне ж продуктов купить велено и на электричку успеть! Ничего себе времечко бежит! А я-то, я-то, ну, совсем оторван от действительности! Все!! Где сумка? Здесь! Где палка? Здесь! Любаша, ваша ручка: вот она! (*Целует.*) Побежал! (*ковыляет по ступенькам, Люба его поддерживает*). Я сейчас как вихрь по магазинам! Как вихрь! А то получу нагоняй от Ирины Львовны! Любаша! Все сугубо между нами! (*посылает воздушный поцелуй*).

ЛЮБА. До свидания, Максимилиан Борисович!

Максимилиан Борисович уходит. Мы видим окно, как он ковыляет, опираясь на палку.

Тишина.

ЛЮБА (*медленно, мрачно*). Та-ак... При-е-ха-ла... Приехала, значит...

Врывается Вадя.

ВАДЯ. Ну, что? Не появлялся?!

ЛЮБА. Кто?

ВАДЯ. Люцик! Обегал все, представляешь, все дворы, все свалки (*садится, в отчаянии*). Это конец!.. Он не вернется...

Люба молча, изучающе смотрит на него.

ЛЮБА. Что ж ты хлеб не купил?

ВАДЯ (*быстро*). Там перерыв.

ЛЮБА. В продуктовых перерыв с часу.

ВАДЯ. Ну, не знаю, я подошел, а там... товар принимают! Я подумал – перерыв, попозже приду. (*Вскакивает.*) Сейчас, вот, пойду! Сейчас. Принесу хлеб и сядем обедать. Посиди. Ладно?

Убегает.

ЛЮБА (*горько*). И в самом деле – врет... Как мой Санька, на ерунде... В крупном, наверное, тоже...

В окне мелькают женские ноги, затем, в замке поворачивается ключ и входит Вера. Она видит Любу и несколько секунд смотрит на нее.

ВЕРА. Не поняла...

ЛЮБА. Здравствуйте. Вы к Ваде?

ВЕРА. А где он?

ЛЮБА. За хлебом пошел.

ВЕРА. А! Вы, случайно, не Люба?

ЛЮБА. Люба.

ВЕРА. То-то я смотрю, сидит человек, как у себя дома...

(*по-хозяйски*) Ну? Ну и как вы считаете, можно жить в этой холодрыге?

ЛЮБА. Да, в самом деле холодно. Я тоже говорю Ваде...

(*осекается, смотрит на Веру*). А вы, простите, – кто?

ВЕРА (*холодно*). А я, простите, то, из чьего кармана вам денежки идут, за этот погреб... Я ведь плачу... Так что разговор у меня к вам такой, милая: во-первых, выключите эту зуделку за стеной, во-вторых, батарею бы дополнительную поставить. За ваш счет, конечно...

Наступает пауза. Люба, конечно, уже все поняла. Лицо ее каменеет, просто на глазах зрителя, и становится ясно, какой это гордый человек.

ЛЮБА (*Встает. Холодно, гордо.*) Вы меня не за ту принимаете!

ВЕРА (*возмущенно*). А за кого тебя еще принимать?! Совесть ты где забыла, подруга? Ты-то, сама, в этом погребке согласилась бы жить? А-а, у папы-мамы живешь, а бабусину

квартиру доходным домом сделала! Думаешь, эти тридцати пять рэ мне даром достаются? Знаешь, сколько километров я за них наматываю? И все на ногах!

Люба между тем надела плащ, закинула за плечо свою дорожную сумку.

Нет, ты погоди, ты куда это? С батареей мы как решим, а? ЛЮБА (*уже на ступеньках*). Что ж вы так плохо любовника своего содержите? Холодно ему, бедному... Существо он нежное, тонкое, еще уйдет куда-нибудь, к другой покровительнице.

Открывает дверь, уходит.

ВЕРА (*вслед*). А это не твое дело! (*подбегает к окну, в форточку*) Стерва! (*Одна.*) Вот стерва! Ни стыда, ни совести!

Нервно ходит по кухне, открывает какую-то кастрюлю на плите, что-то перекладывает, переставляет, зажигает конфорку. Вдруг взгляд ее падает на мусорный бак.

Вот так и будет стоять, пока сама не вынесу. И муха будет жужжать. (*Тихо.*) Господи... Господи! Как мне это надоело! (*Надрывно.*) Господи, как мне все осточертело! Как я устала!

От всего вот, от э-то-го!

Плачет, раскачиваясь на стуле. Радио за стеной играет что-то веселенькое...

Наконец, Вера успокаивается, начинает что-то готовить, крутиться по хозяйству. Вбегает Вадя с булкой хлеба.

Вбежал – оторопел.

ВЕРА. Привет! Давай хлеб, сейчас обедать сядем.

ВАДЯ. Ты... Ты откуда?! Ты почему не уехала?!

ВЕРА. С Катей поменялась... Не могу. Такая тоска накатила. Представила, как целую неделю сейчас трястись, чаи разносить... Туалеты мыть... Думать – что ты здесь жрешь, да как мерзнешь... А Кате – что! Катька, она совсем одна, ей все равно. Согласилась... А ты чего столбом встал? Не рад, что ли? Садись, я борщ вчерашний догрела...

Вадя подошел к двери комнаты, осторожно заглянул туда.

ВЕРА. Ушла она, ушла...

ВАДЯ (не зная, как себя вести). Да?... Вера, ты... это... Вы что – разговаривали? Понимаешь... Ты только не подумай...

ВЕРА. Да стерва она, больше никто! Я говорю: «Вы просто обязаны батарею поставить, раз с людей такие деньги бере-

те». А она мне: «Вы меня не за ту принимаете!» ...Ну, жуки! А ты говорил – профессорская семья!.. Впрочем, надо что-то придумать с хатой. Садись, ешь, борщ остынет.

ВАДЯ. Так она, что – ушла, что ли? Совсем? Больше... ничего не говорила?

ВЕРА. Нахамила, как последняя! Говорит плохо любовника содержите!

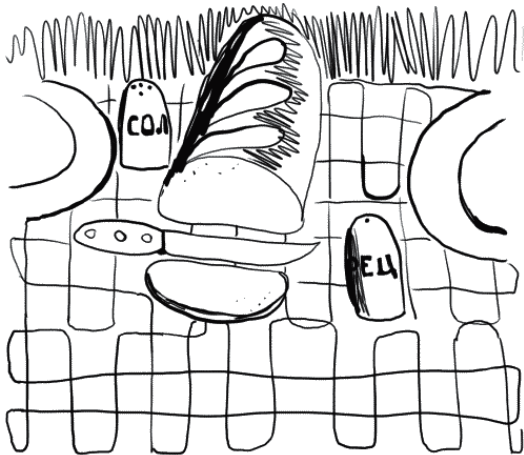
ВАДЯ (*стонет*). Мм... мм... мм! Ты-то что ей говорила? Ты?!

ВЕРА. Что думала, то и сказала. Ты же знаешь, я что думаю, то и говорю. Мне – профессор-непрофессор, все пассажиры!.. Ты чего не ешь?

ВАДЯ (*стонет*). Кто тебя просил! Ну почему, почему ты лезешь в мои дела?!

ВЕРА (*спокойно*). У тебя нет никаких дел.

ВАДЯ. Ты опять?!

ВЕРА. Займись, наконец, хоть каким-то делом: ешь борщ.

ВАДЯ (*бросает ложку, кричит*). Мы с ней... Мы, может, с ней друзья! Да, мы друзья, а ты... лезешь всюду! И ссоришь меня с людьми!

ВЕРА. Ладно, друзья! Друзья — сдают комнату, батарею поставить не могут! Чего ты взъерепенился? Садись, ешь.

Вадя садится, ест борщ совершенно машинально. Напряженно думает... Потом становится рассеянной, оглядывается на окно... и вдруг вскакивает, опрометью кидается к двери, выбегает. Слышен его вопль «Люцик-Люцик-Люцик!!!»

Появляется расстроенный.

ВАДЯ. Показалось...

ВЕРА. Да нет, не появится. Если уж его три дня нет, то все... Доедай борщ... (*Пауза. Вадя доедает борщ.*) Может, его пацаны убили.

ВАДЯ (*бросает ложку, кричит*). Что ты мне всякие гадости говоришь!!!

ВЕРА. Ну, Вадя...

ВАДЯ (*отчаянно, с надрывом*). Ты зачем мне эти гадости говоришь?! Чтобы во мне надежду убить, да?!

ВЕРА. Вадя!

ВАДЯ. Ты равнодушный, холодный человек! Ты ни к кому не привязана, тебе никто не нужен! Тебе не понять, как можно привязаться к живому существу!!!

ВЕРА. Не ори, пожалуйста, успокойся.

ВАДЯ. Ты нарочно травишь меня этими разговорами. Я знаю, ты никогда не любила его, и тебе этого скрыть не удастся! Ты не любила его! Ты его одной ливеркой кормила!

ВЕРА. Вадя, ну успокойся! Успокойся, слышишь? Он вернется, ну!.. Хватит вопить...

Вадя в отчаянии бежит по кухне, немного успокаивается... Уходит в комнату, несколько мгновений тишина. Жуужжит муха. Вера моет посуду.

ВАДЯ (*совершенно спокойным голосом*). А что, рубашек

чистых нет?

ВЕРА. Поищи в шкафу, как следует... Я недавно стира-
ла... А ты собрался куда?

ВАДЯ. Собрался!

ВЕРА. Куда это, интересно?

ВАДЯ. По делам.

ВЕРА. Пьянка, значит, где-нибудь...

Вадя появляется в кухне с оскорбленным лицом.

ВАДЯ (*раздельно*). Не лезь в мо-и де-ла! Надоело! Я муж-
чина, понимаешь? Муж-чи-на!

ВЕРА (*спокойно*). Посмотри в пиджаке – деньги у тебя
есть?

ВАДЯ (*одновременно роясь в карманах и вытаскивая ме-
лочь*). Я имею право на личную независимость! Понятно? Я
мужчина, и желаю чувствовать себя мужчиной!

ВЕРА. Сколько тебе дать, чтоб ты чувствовал себя муж-
чиной?

ВАДЯ (*небрежно*). Дай рублей двадцать.

ВЕРА. Хватит с тебя червонца.

*Достает деньги из своей сумочки, сует их в карман Вадя-
ного пиджака.*

ВАДЯ. Это в долг. Я тебе все отдам! Так и запомни!

ВЕРА (*устало*). Хорошо.

ВАДЯ. Потому что выше всех благ я ценю личную независимость.

ВЕРА (*так же*). Молодец... Носки тоже переодень, если на люди идешь...

Приносит чистые носки, Вадя садится на табурет, переодевает их.

ВАДЯ. «Был когда-то и я от людей независим, Никому не писал поздравительных писем...»

В окне мелькают чьи-то ноги, в дверь стучат. Поскольку Вадя сидит в одном носке, дверь идет отворить Вера. Она заслоняет проем, так что пока мы слышим лишь голос Любы Страшненькой – застенчивый и очень вежливый голосок.

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ. Здравствуйте! А Вадим дома?

ВЕРА. Пожалуйста...

Пропускает гостью, та спускается по ступенькам, и мы видим Любу. Она, мягко говоря, не красавица. Увидев ее, Вадя остается сидеть в одном носке.

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ. О, Вадим, здравствуйте! Извините, что я так... внезапно, как снег на голову! Но я подумала, чем раньше, тем лучше, правда? – насчет музыкального сопровождения (*кивает в сторону комнаты, за дверью которой бубнит радио*).

Быстро идет к той двери, открывает ее ключом, входит, пропадает за дверью, что-то щелкает, и наступает тишина.

В этой тишине Вера молча изучающе смотрит на Вадю, который так и сидит с одним надетым носком, второй держа в руке.

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ (*выходит*). Представляю, как вы намучались!

Обращается к обоим – она очень приветлива, жизнерадостна, и душевно настроена, и не прочь поговорить.

Понимаете, ключ от этой комнаты почему-то оказался в кармане папиного пиджака, а пиджак он забыл в субботу на даче, так что мне пришлось вчера специально поехать в Загорянку и... ну хорошо, что все позади... (*грустно улыбается*) Просто, бабуля в последние годы очень плохо слышала, и только радио скрашивало ей... (*глотает набежавшую слезу, оглядывается*). А вы уже обустроились... Вот только... прохладно здесь, а?

ВАДЯ (*Надев, наконец, второй носок и бодро вскакивая на ноги*) Не беспокойтесь, Люба, дорогая! Так даже лучше: все микробы вымерзают.

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ. Что вы, что вы, Вадим... Я не допущу, чтобы вы простудились. Да, здесь просто жуткая холодрыга! Я поговорю с родителями, совершенно очевидно, что надо батарею добавить. Мы это устроим. Но пока... что же делать пока?... (*радостно вспомнив*) Ой, знаю! У нас где-то был еще один рефлектор в подвале! Это же отличный выход! Я сейчас же его откопаю и привезу!

ВАДЯ. Люба, милая, не беспокойтесь!

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ. Ой, да что вы говорите, какое

беспокойство! Я через пятнадцать минут буду здесь!

Выбегает. Вера молчит. Вид у нее, скорее, усталый.

ВАДЯ. Вера! Верунчик! Послушай, только спокойно!..

ВЕРА (*размышляя*). Господи, как же я сразу не сообразила, у той ведь дорожная сумка была...

ВАДЯ (*кричит*). Это сестренка Олега, приехала из этого... Из Омска!.. Она приехала, а Олега дома нет!

ВЕРА (*морищась от его крика*). Заткнись, дай сообразить... Та-ак... Откуда ж ты ее прихватил... В командировке ты был в последний раз месяца два назад, да? Тебя когда из Гипрозема выгнали? С месяц?

ВАДЯ. Ве-ра! Это сестра Олега, я тебе клянусь! При чем тут командировка?! Девочка приехала, Олега дома нет... Наверное, он это... телеграмму не получил...

ВЕРА. В Краснодар ты ездил в последний раз, вспомнила!.. Ничего себе пришлось выложиться девочке на билетик... Видать, сильно влюбилась, бедолага... Такая гордая на вид... Говорит, «плохо любовника содержите!»... Замерзла здесь... К теплу привыкла...

ВАДЯ (*кричит*). Ве-ра! Что ты мелешь?! Это смешно!

ВЕРА. Стихи ей читал, да, завоевывал, трудился?.. Гадская твоя натура...

ВАДЯ. Веруня! Это твои домыслы! Совершенно необоснованные. Просто стыдно! Стыд-но!!!

ВЕРА (горько). Стыдно... Куда ж это она пошла теперь? Куда ей деться? Где ночевать будет?.. В аэропорту?

Начинает одеваться, спокойно, деловито. Вадя заметался.

ВАДЯ. Вера, ты куда?! Ты что придумала? Я тебе клянусь! Это совершенно посторонняя женщина! Она случайно сюда вошла! Я ее не знаю! Это истинная правда!!

Вера уже оделась, выходит.

Подожди! Я тебе клянусь, это было в последний раз! Это больше не повториться!!!

Вера ушла... Вадя мечется по кухне, бормочет, вскрикивает, всхлипывает, хватается за голову. Он очень возбужден, но постепенно начинает приходить в себя... Открывает форточку, кричит на улицу: «Люцик-Люцик-Люцик-Люцик!!!» Кричит так минуты две, надрывно, с надеждой, так что зритель начинает сочувствовать.

Если с ним что-то случится, я с ума сойду! (Смотрит на часы). Ну, где эта дура с рефлексом? Я к Олегу опоздаю.

Ходит по кухне, что-то хватается со стола, жует... На-

конец, в окне промелькнули ноги, в дверь стучат. Вадя открывает. Это Люба Страшненькая с рефлексором.

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ. Ой, я долго, да? Он в подвале лежал, пришлось лезть... Вот...

ВАДЯ (*жует*). Люба, это грандиозно. Вы спасительница моей жизни...

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ (*гордая и смущенная*). Давайте, включим... Вот... Он быстро нагревается... Через пять минут будет тепло... (*Оглядывает комнату, будто впервые видит.*) Как странно...

ВАДЯ. Что – странно, дитя мое?

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ. В этих комнатках прошло мое детство, каждую щелочку знаю. Но вот здесь сидите вы, и мне все кажется новым, незнакомым...

ВАДЯ. Да, так бывает. (*Смотрит на часы.*)

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ (*робко*). А... ваша?

ВАДЯ. (*Подсказывает.*) Сестра? Она ушла... Она на Щербакова живет, в своей, однокомнатной.

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ. А я подумала...

ВАДЯ. Нет, Люба, нет... Я совершенно одинокий человек...

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ. Я так и думала!.. У вас глаза...

ВАДЯ (*быстро*). Что – глаза?

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ (*запинаясь*). Да нет, ничего...

ВАДЯ. И все-таки?

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ (*решившись*). У вас глаза такие – отчаявшиеся. Трагические!

ВАДЯ (*обрадованно*). Правда? Вы заметили? Вы поняли это?

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ (*горячо*). Да сразу! Вот как только вы месяц назад впервые вошли в наш отдел, я взглянула и...

ВАДЯ (*жадно*). И что?..

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ. И все поняла про вас!.. Как вы одиноки... Душой...

ВАДЯ. Милый человек... (*целует ее руку*). Ни слова больше! Поверьте, Люба, я болезненно искренен, меня так часто ранили, предавали, и я боюсь, боюсь поверить в то, что... может еще встретиться тот, кто... Нет, довольно! Я сейчас наделаю глупостей!

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ. Не бойтесь меня, Вадим! Ну, я не знаю, что мне сделать, как доказать свою... свою искренность, чтоб вы поверили, чтобы вы поняли...

ВАДЯ (*горячо и очень искренне*). «О, как я поздно понял, зачем я существую! Зачем гоняет сердце по жилам кровь живу. И что порой напрасно давал страстям улежся, И что – нельзя беречься! И что – нельзя беречься!»

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ (*светится*). Как здорово! Ва-

дим, вы так талантливы!

ВАДЯ. Люба! Мне так не хочется сейчас расставаться с вами. Давайте не расставаться! Сегодня! (*Люба меняет выражение на лице так часто, что трудно уследить*). Давайте пойдем к моему другу! Вот сейчас! Немедленно! Стихийно! Я хочу представить вас моим друзьям. Это необыкновенные люди!

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ (*оранжевая от счастья*). Но я... мне бы переодеться.

ВАДЯ. Ну, какие пустяки! Вы прекрасны. Вы всегда прекрасны (*помогает ей надеть плащ*). В вас бездна пластики и грации!

ЛЮБА СТРАШНЕНЬКАЯ. Ой, что вы!.. Я же такая...

ВАДЯ (*строго*). Люба, я никогда не лгу!

Выходят, проходят мимо окна. Тихо... Только в углу над

мусорным баком жуужжит муха Тамара...

Картина вторая

Вокзал

Зал ожидания. Скамейки... На скамейке сидит Люба, Любовь. Она не спит, но со стороны кажется, что Люба погружена в полузабытье. Это из-за выражения лица, совершенно окаменевшего. Она сидит неподвижно, в неловкой позе, никого не видит. Не видит, как по залу ходит Вера, ищет кого-то, напряженно вглядываясь в лица. Вдруг взгляд ее натывается на Любу, и она устремляется к ней. Подходит. Садится рядом. Сидит так несколько мгновений. Достает сигарету, закуривает.

ВЕРА. Вот ты где... А я тебя в аэропорту искала.

Люба очнулась, смотрит на Веру сначала испуганно, потом с брезгливым недоумением.

На самолет билет не достала?

ЛЮБА. Что вам от меня надо?

ВЕРА. Мне? (*усмехается*). Мне-то от тебя ничего не надо... Это ты вот... зачем приехала? Мужика отбирать?

ЛЮБА. Я никогда ничего ни у кого не отбирала...

ВЕРА. Гордая?

ЛЮБА. Гордая.

ВЕРА. А я вот не гордая... Я просто сильная, как ломовая лошадь. И своего ничего никому не отдам... Зубами держать буду.

ЛЮБА (*усмехается*). Вот и держите... На здоровье. (*Отворачивается. Пауза.*) Вы сюда пришли, чтоб сказать мне это? Так напрасно. Не бойтесь, больше Ваде я визита не нанесу... Так, может письмо напишу... Потом, когда очухаюсь...

ВЕРА. А ты чего в таком плащике легком?

ЛЮБА. В каком есть.

ВЕРА. Вот-вот... Чем такие деньжищи на билет ухать... Пальто бы себе купила.

ЛЮБА (*взрывается*). Слушайте, вам-то какое дело? Чего вы тут... на нервы действуйте?! Вам что от меня надо?!

ВЕРА. Ладно, ладно! Смотри, не проглоти меня... Гордая... Раскричалась тут... Я ее по аэропортам ищу, с ног сбилась...

(*Пауза.*)

Слушай, ты на сколько сюда собиралась?

ЛЮБА (*тоскливо*). Оставьте меня в покое!

ВЕРА. Да погоди ты! Ну, муторно тебе, я понимаю. Жить,

может, не хочется... Слушай, зайдем в ресторан, перекусим, выпьем чего-нибудь... Поговорим.

ЛЮБА. Никуда я не пойду. Я не ем.

ВЕРА (*удивленно*). Почему это?

ЛЮБА. Ну, не ем... когда плохо... Спазм такой... в горле. Не глотается...

ВЕРА (*смотрит на нее внимательно*). Та-ак... (*Реши-тельно.*) Ну, вот что. Вставай, поехали.

ЛЮБА (*почти испуганно*). Куда?

ВЕРА. Ко мне... Да не пялся так. У меня свой кооператив на Щербаковке.

ЛЮБА. Нет!.. Не надо, я здесь посижу. У меня поезд завтра рано...

ВЕРА. Слушай, ты гордая, я на тебя и так сколько времени ухлопала! Мне тебя умолять некогда. (*Берет Любину сумку, взваливает на плечо.*) Пошли, в ванну горячую сядешь, отогреешься, чаем тебя отпою – натуральный Краснодар получишь.

Идет к выходу, не оглядываясь.

Люба поднимается и покорно плетется за Верой.

Квартира Веры

Это малогабаритная однокомнатная квартирка. Из комнаты двери в кухню и прихожую. Уютно...

Видно, как Вера крутится на кухне, возится у плиты, что-то нарезает, наливает, хлопает дверцей холодильника. Несет поднос с чашками и снедью в комнату, ставит на стол.

ВЕРА. Л-ю-уб! Закругляйся! Все на столе.

Вошла Люба – распаренная после ванной, в Верином махровом халате. Лицо несколько помягчело.

Садись... Я тут на скорую руку... колбаски поджарила,

яичком залила...

ЛЮБА. Спасибо... Я в самом деле не могу есть. Это пройдет. Дня через три... Я вот, чай только хлебну, горячий...

Села. Вера налила ей чай, пододвинула чашку.

ВЕРА. Ну, и что ты там делаешь, в своем Краснодаре?

ЛЮБА. Я библиотекарь.

ВЕРА (*присвистывает*). Восемьдесят пять?

ЛЮБА. Сто пятнадцать.

ВЕРА. На экскурсию эту, извини меня, небось одалживать пришлось?

ЛЮБА. Нет, я никогда не одалживаю. У меня мама была отличная стенографистка, и меня научила. Я по вечерам прирабатываю. Три года назад купила компьютер, ну и... набираю кое-что... То диссертацию, то повесть какую-нибудь... Я грамотно печатаю, и беру недорого... А летом воспитателем в лагерях работаю. Это очень выгодно. Питание, зарплата идет. И Санька при мне...

ВЕРА. Сколько ему?

ЛЮБА (*улыбается впервые*). Десятый год... С меня скоро вымахает.

ВЕРА. Я думала, тебе меньше. Ты как девочка.

ЛЮБА. Это потому что маленькая и худая. Маленькая собачка – сами знаете...

ВЕРА. Ты не худая, зачем! Все на месте. Ты миниатюрная.

Ты вообще, баба красивая, не спорь!.. Да... Санька... А у меня, вот, ни Саньки, ни Ваньки, как видишь... Бездетная.

Люба деликатно молчит.

А знаешь, я ведь тебя еще сегодня могла в поезд посадить, к своим ребятам... Не удивляйся, я ведь проводником работаю... Потом представила, как ты на какой-нибудь боковой полке сегодня ночью трясешься, а главное, как я сама сегодня в эту свою, конурку одна возвращаюсь... Ну и... Нет, думаю, что это мы, врагами-то... Две бабы, ни в чем не виноватые!

ЛЮБА (*поспешно*). А вы куда ездите?

ВЕРА. Раньше в Хабаровск ездила. Теперь в Иркутск... Ничего заработки хорошие... Только все равно – проклятая наша профессия. Из-за чего, спросишь? Из-за кобелей. Ох, кобелиная эта порода мужики. Вот он перед третьим звонком жену на перроне вылизывает, а вот зашел в вагон, и он уже как огурчик – лезет в служебное купе «за добавочкой чашечка»! Да еще дверь изнутри закроет, чтоб никто не мешал, а там у нас и так развернуться негде, так что пока ему замком по морде не врежешь, он не отстанет... Да... А у них, у кобелей этих командированных, особой популярностью пользуются проводницы, да еще официантки, а знаешь почему? Так нас же раз в три месяца проверяют. Ага... Так что вероятность заразиться меньше раза в два... Ух, как я их нена-

вижу! У них ведь какая психология – раз ты проводница, так ты баба общественного пользования.

ЛЮБА. Все равно... Поездить, страну повидать... Я бы поездила.

ВЕРА (*загораясь*). А что? Хочешь, устрою? Серьезно! Я тебе серьезно говорю!

ЛЮБА. Нет, что вы, у меня Санька... Я его на соседку сейчас оставила... Душа не на месте...

ВЕРА. Да... Как он учится?

ЛЮБА. По-всякому. К математике способности...

ВЕРА. Математика – это главное...

Молчат. Каждая думает о своем...

Наконец, Вера встает и начинает убирать со стола.

Я тебе на тахте постелю, а сама на раскладухе.

ЛЮБА. Что вы, я привыкла на раскладушке. Я и дома на раскладушке сплю.

ВЕРА. Вот дома и спи. А здесь я хозяйка. Тебе выспаться надо. *(Стелет Любе на тахте, ставит раскладушку.)* Ложись и спи. Будильник я накручу...

*Смотрит на Любу, которая долгим, странным взглядом
глядит в темное окно.*

Тебе снотворное дать?.. Люба!

ЛЮБА (*очнувшись*). А? Нет, не надо... Я не усну все равно, только голова будет тяжелая... Вера, а у вас родные есть кто-нибудь?

ВЕРА. Сестра в Нижневартовске... (*Уносит поднос на кухню, говорит оттуда.*)

Люба раздевается, ложится.

Приезжает в командировки... Мы уж отвыкли друг от друга, очень разные... Иногда приедет, сидим-сидим, а говорить не о чем. Она там главный инженер завода, большой человек. У нее и переживания большие, государственные. Стану я ей о своих маленьких бедах плакаться!

Заходит в комнату. Люба уже лежит на тахте, заложив руки за голову. Смотрит в потолок. Вера садится к ней, на краешек тахты, и глядит все тем же долгим сострадательным взглядом...

Худо тебе? (*Люба отворачивается.*) Худо... Что-то мы с тобой все вокруг да около... (*горячо*) Ну вот скажи ты, ум-

ная, красивая баба, ты ж книг сколько начиталась – ты что ж, его сразу не разглядела, а?! Его сразу как на ладони видно! Он как начнет эту лапшу на уши вешать, эти стихи декламировать – тут все наружу и прет!

ЛЮБА. Нет. Он очень артистичный, легкий, он талантливый.

ВЕРА. Его ни на одной работе не держат – талантливый!

ЛЮБА. Это разные вещи, Вера... Просто он не реализовал свои возможности, но заложено в нем много... Он вообще не своим делом в жизни занят. Понимаете? Произошла осечка в судьбе... Поэтому неудовлетворен, мечется, нажил к тридцати пяти годам кучу комплексов...

ВЕРА. Балалайка он, Любушка, ба-ла-лайка! Натура такая, чертовая!

ЛЮБА. Вера, даже странно, что вы...

ВЕРА. Что-что странно? Странно, что именно я это говорю? О своем мужике? Эх, Любовь ты, Любовь... Да я одиночества боюсь хуже смерти! Уже и осточертеет все, уже выть от его штукечек хочется, а как представлю, что всю жизнь здесь, вот, одной куковать!..

(Пауза.)

Слушай, не езжай завтра, а? Ты ж все равно хотела неделю здесь пробыть... Мы бы с тобой в Архангельское съездили, в Загорск... Давай, когда ты еще в Москву выберешься!

ЛЮБА. Нет... Поеду...

ВЕРА (*горячо*). В Кремль бы пошли, в Большом театре у меня кассирша знакомая. Ну, чего ты несешься в этот Краснодар, к черту на рога?

ЛЮБА. Нет... Спасибо, Вера, нет... Тяжело мне... Поеду...

ВЕРА (*медленно*). Ну да, там твой дом, твой сын... (*Вдруг закрывает лицо ладонями, плачет.*)

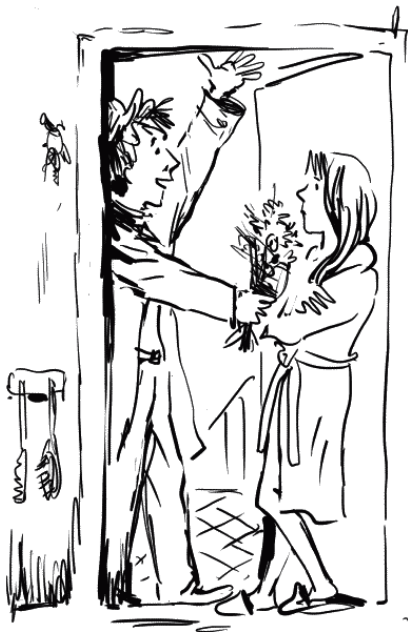
ЛЮБА. Вера, что вы! Не надо... Пожалуйста, не надо...

ВЕРА. Был бы у меня ребенок... Такого пинка под зад этому артисту дала! Летел бы, не оглядываясь!

Звонок в дверь.

Здрасьте! Это еще кто на ночь глядя?

Идет открывать. Прихожая видна со стороны зрительного зала. Люба же слышит только голоса. Вера открывает дверь. На пороге – Вадя, пьяненький, с цветочком.

ВАДЯ (*поет красивым баритоном*). «Не грусти, не печалуйся, о, моя Ве-ера, есть на свете еще у тебя должники!» (*Падает на колено прямо на пороге.*) В последний раз – прости, прости! Не осуждай меня без нужды!

ВЕРА. Господи, ты хоть слово по-человечески можешь сказать? (*Замечая, что Вадя намерен войти.*) Минуточку! Я тебя приглашала?

ВАДЯ. Вера, не заставляй меня страдать! Из-за какого-то мимолетного взлета фантазии...

ВЕРА. Пошел вон!

ВАДЯ. Веруня, ты грубишь... Ты что, меня в дом не пускаешь?

ВЕРА. Не пускаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.